

Научная статья

УДК 81'23

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40

Фрейм, гештальт и образ: равнозначность или смежность категоризации?

Ван Чжицян¹

Полина Пурбуевна Дашинимаева²

^{1,2} Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Россия

¹ Хэбэйский северный университет
Чжанцзякоу, Китай

¹ wangzq0016@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1962-9859>

² polinadash58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1304-5390>

Аннотация

Данное исследование посвящено разграничению терминов «концепт» и «понятие», с одной стороны, и «фрейм», «гештальт» и «образ», с другой. Было выявлено, что исследователи не едины во мнении относительно и типологии когнитивных единиц, номинирующих способы концептуализации внешнего мира, и их содержаний. В статье приводятся наиболее актуальные на сегодняшний день классификации известных в целом когнитивных структур, однако обнаружено, что данные три категории являются наиболее часто встречающимися, соответственно, их понимание, включая их соотношение друг с другом, представляет для нас особый интерес. В данном исследовании эти категории рассматриваются по следующим векторам: обзор актуальных научных источников, дефиниция термина, основные признаки, иллюстрации, сравнение и определение степени равнозначности, близости или смежности по ряду их характеристик. На основании выполненного системного анализа делается вывод о том, что *фрейм*, *гештальт* и *образ* являются подчиненными категориями относительно концепта, чьи отличительные структурные и функционально-семантические признаки позволяют представлять их автономно-дискретными категориями, концептуализирующими в сознании индивида внешний мир. Также общность и дифференциальность отдельных характеристик трех категорий обосновывают смежность их соотношений.

Ключевые слова

концептуализация, фрейм, гештальт, образ, концепт, когнитивная категория

Для цитирования

Ван Чжицян, Дашинимаева П. П. Фрейм, гештальт и образ: равнозначность или смежность категоризации? // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 2. С. 29–40. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40

Frame, Gestalt and Image: Equivalence or Contiguity of Categorization?

Wang Zhiqiang¹, Polina P. Dashinimaeva²

^{1,2} Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

¹ Hebei North University
Zhangjiakou, China

¹ wangzq0016@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1962-9859>

² polinadash58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1304-5390>

Abstract

The study deals with making a distinction between the terms “concept” and “notion”, on the one hand, “frame”, “gestalt” and “image”, on the other. The survey shows that the researchers are not unanimous in their opinion regarding both the typology of cognitive structures and their content. Relevant classifications indicate clearly that frame, gestalt and image are most regular categories, so, understanding their content, apart from their relationship to each other within the framework of modern linguistics, is of particular interest to us. In the study, these concepts are considered in the following ways: a relevant scientific source survey, term definitions, key features, illustrations, and comparative research to distinguish between the equivalence, proximity, and contiguity degrees of the characteristics revealed. Based on such a systemic analysis, it has been found that gestalt, image and frame are categories of the external world conceptualization distinguished on the basis of their structural, functional and semantic features. As a result, it concludes, the categories “frame”, “gestalt” and “image” might be considered as contiguous concepts.

Keywords

conceptualization, frame, gestalt, image, concept, cognitive category

For citation

Wang Zhiqiang, Dashinimaeva, P. P. Frame, Gestalt and Image: Equivalence or Contiguity of Categorization? *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 29–40. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-2-29-40

Введение

Интенсивное развитие психолингвистики, продиктованное современным уровнем развития науки, стало, в частности, базой для типологизации концептов и теоретического осмысления самого понятия «концепт». В результате было сформировано представление, что концепт выполняет функцию объединения ряда когнитивных структур, т. е. консолидации ментальных единиц, функция которых состоит в систематизации знаний в рамках человеческого сознания. Если исходить из этой логики, другие когнитивные структуры занимают подчиненное положение и могут называться категориями концептуализации окружающего мира. Как известно, к основным способам относят следующие категории: схема, образ, сценарий, фрейм, гештальт [Голованова, 2014, с. 122]. Данный ряд явлений представляет собой сущности размытой, недискретной природы прежде всего в силу своего близкого когнитивного статуса, что, вне сомнения, уменьшает степень привлечения принципа доказательности при их описании. И. А. Стернин [1998] объясняет сложность изучения перечисленных категорий концептов тем, что эти постулированные понятия взаимосвязаны по своей сути и своему предназначению, потому их трудно идентифицировать и разграничить.

Так, когда человек, например, декодирует текст, то невозможно ответить однозначно на вопрос: *что* он активизирует в сознании по мере восприятия форм, визуализации содержания и формулирования системы смыслов – образ, фрейм или другие категории концептов? По-видимому, данная неспособность их идентифицировать обусловлена прежде всего тем, что мозг человека – это самодостаточный «черный ящик», где ментальные – ненаблюдаемые – процессы частично происходят в неосознаваемой сфере, что не снимает с исследователя задачу выявления критериев разграничения заданных единиц. В нашей статье мы попытаемся разграничить содержание трех основных терминов – «фрейм», «гештальт» и «образ».

О сущности и типологии концептов

Впервые термин «концепт» появился в российской науке в работе С. А. Аскольдова в 1928 г. Ученый понимает концепт как «мысленное образование, которое замещает нам неопределенное множество предметов одного и того же рода в процессе мысли» [Аскольдов, 1997, с. 267–269]. По его мнению, термин «концепт» отождествляется с «понятием», обобщенным на базе конкретного жизненного опыта. Но по мере глубокого развития когнитологии и психолингвистики, с середины 1970-х гг. лингвисты начали активно использовать термин «концепт» и отличать его от термина «понятие».

Ю. С. Степанов считает, что «концепт» и «понятие» – это термины разных наук. Первый – термин из культурологии и лингвокультурологии, а второй – из логики и философии. Понятие «определяется», а концепт «переживается». Концепт включает в себя не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, эмоциональных и бытовых явлений [Степанов, 1997, с. 19–20]. С другой стороны, М. В. Пименова, разграничивая эти термины, полагает, что «понятие» – это часть концепта, а сами понятийные признаки входят в его структуру [Пименова, 2011, с. 126].

Ю. В. Акимцева в результате подробного обзора приходит к выводу, что «понятие» представляет собой термин в лингвистической науке и отражает самые общие и ключевые черты об объекте; а «концепт» – термин в когнитивной и психологической науках, имеет эмоциональную окраску. В отличие от понятия концепт зависит от культуры, опыта и психологической особенности человека [Акимцева, 2017].

Отличая концепт от понятия, русские ученые рассматривают термин «концепт» как «абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки», которые сохраняются в ментальной карте человека в виде «представлений, знаний, понятий, ассоциаций, переживаний» [Степанов, 1997, с. 41–42]; «ментальное образование, своеобразный фокус знаний о мире, когнитивная структура, включающая разнотипные единицы оперативного сознания» [Пименова, 2004, с. 45–47]; «орудие не только человеческого познания, но и моделирования памяти как одной из составляющих сознания, обеспечивающее хранение информации и ее воспроизведение» [Чернейко, 1997, с. 64].

Мы разделяем трактовку Л. О. Чернейко, у которой под концептом понимается единица ментальных ресурсов, хранящая и отражающая знания и опыт индивида.

Рассмотрев сущность концепта в соотношении с понятием, перейдем далее к его типологии. Как выше отмечено, концепты обладают разными средствами языковой репрезентации и одновременно могут делиться на разнообразные типы, и поэтому исследование типологии концептов до сих пор представляет собой актуальную и существенную задачу когнитологии и психолингвистики. Так, ученые классифицируют концепт по различным основаниям: по содержанию [Бабушкин, 1996; Попова, Стернин, 2001; Пименова, 2004], по ассоциативным признакам [Слышкин, 2004], по структурным принципам [Шведова, 2005], по степени абстрактности содержания [Вежбицкая, 1999] и т. д.

Среди вышеупомянутых самыми авторитетными и популярными являются классификации концепта по содержательному признаку [Лыткина, 2009; 2010].

Представим некоторые из них, чтобы показать подходы к типологизации.

- 1) А. П. Бабушкин различает инсайты, мыслительные картинки, сценарии, гиперонимы, схемы, фреймы, калейдоскопические концепты [1996, с. 43–67];
- 2) З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют концепты-представления, понятия, схемы, фреймы, сценарии и гештальты [2001, с. 72–74];
- 3) М. В. Пименова дифференцирует идеи, символы, образы, культурные концепты, причем внутри последней подразделяются дополнительно универсальные, социально-культурные, национальные, этические, мифологические концепты [2004, с. 10].

Как видно из классификаций, М. В. Пименова предлагает наиболее подробную типологию. Все представленные выше ученые выделяют категории концептов по типам содержания представления знаний.

Мы присоединяемся к представителям содержательной классификации. Концепт трактуется ими как «зонтичное» понятие, покрывающее различные виды ментальных явлений, которые соотносятся с разными форматами отображения знания. Иными словами, большой и разнородный объем знаний, *относящихся к одному концепту*, хранится, обрабатывается, (пере)структурируется и систематизируется в сознании человека в разных конфигурациях, в разной плотности и соотнесенности. Это относится в равной мере и к таким разновидностям концепта, как гештальт, образ, фрейм.

Перед тем как более подробно рассмотреть эти три категории (основные, на наш взгляд, концептуальные единицы) в их соотношении друг с другом в терминах современной психолингвистики, подчеркнем мысль о том, что концепт – это крупное ментальное образование, а гештальт, образ, фрейм выступают как подчиненные «видовые» разновидности проявления этого большего образования. Это значит, что они соотносятся с первым как гипонимы с гиперонимом.

«Фрейм», «гештальт» и «образ»: термин, признаки, иллюстрации

Фрейм. Впервые термин «фрейм» (от англ. frame) был использован М. Минским, который находился под влиянием работ Ф. Бартлетта и Т. Куна, для объяснения способности человека овладевать новыми знаниями и интегрировать их со структурами опыта, существующими в памяти. По его – к сожалению, крайне абстрактному – определению, фрейм является «когнитивной структурой», которая может помочь осознать обширную группу явлений либо процессов и «сетью, состоящей из узлов и связей между ними» [Minsky, 1974, p. 7]. Он рассматривает фрейм как схему, специфика которой состоит в том, что она представляет и структурирует знание, значимое для понимания и интерпретации языковых выражений. «Фрейм – это знание о типизированной ситуации» [Ibid.]. Заметим в этой связи, что, согласно Е. Ф. Серебренниковой, фрейм можно разложить в виде формулы *фрейм = знание 1 + знание 2 + знание 3 + знание n* [Серебренникова, 2021, с. 30].

В 1970-х гг. Ч. Филлмор перенес понятие «фрейм» в лингвистику, соответственно сузив и конкретизировав его содержание. У него фрейм представляет собой «когнитивную структуру, концептуальные знания, заранее сформированные и интегрированные в слова» [Fillmore, Atkins, 1992, p. 75]. Иначе говоря, фреймы являются особыми когнитивными структурами, задача которых – стереотипизация языкового сознания, реализуемая с помощью сети ассоциаций и вербальных коммуникаций.

Рассматривая фрейм как разновидность концепта, российские ученые определяют фрейм следующим образом: «схема сцен, совокупность хранимых в памяти ассоциатов» [Бабушкин, 1996]; «многокомпонентный концепт, совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» [Попова, Стернин, 2001].

Вслед за Ч. Филлмором китайские лингвисты признают его статическую характеристику, выделяя следующие его признаки: 1) иерархичность; 2) системность; 3) культурная релятивность [Юй Цзинхэ, 2005; Сяо Кайжун, 2012].

На основе вышеприведенных утверждений можно с высокой степенью вероятности постулировать, что фрейм представляет собой концептуальную единицу *статического* типа, которая генерируется в рамках типовой ситуации. Многокомпонентный концепт – это совокупность *стандартных* знаний о явлении или предмете, который характеризуется целостностью его компонентов. Например, фрейм *коммерческие мероприятия* включает в себя четыре компонента: покупатель, продавец, товар и деньги. Все эти компоненты неразрывно связаны между собой, поэтому, когда в коммуникации упоминается какой-либо один компонент,

коммуниканты могут быстро ассоциировать его с остальными, тем самым активируя полный фрейм, что и дает им возможность адекватно понять мысль отправителя сообщения.

Но существует и другая точка зрения, в соответствии с которой фрейм группируется вокруг концептов и имеет модельную структуру [Ziem, 2008; Ван Дейк, 1989]. Как утверждает Т. А. ванн Дейк, «фреймы не являются произвольно выделяемыми “кусками” знания. Они являются единицами, организованными “вокруг” некоторого концепта» [Ван Дейк, 1989, с. 16–17]. Другими словами, фрейм формируется вокруг концептов, так как ассоциируется с концептами. Однако поскольку фрейм включает в себя слоты, конкретные наполнители (концепты) и общепринятые ценности, то, соответственно, он воплощает в себе единство статики (в части системности) и динамики (в части наполнения и ассоциаций) [Серебренникова, 2021, с. 35]. Например, в сознании носителей немецкого языка концепт *HEUSCHRE-SKE* (букв. саранча) в своем метафорическом значении «мелкие зарубежные финансовые инвесторы»¹ вводится во фрейм «государство», в слот «финансовая ситуация» с оценкой «крах» [Там же].

Несмотря на представленные трактовки данных авторитетных ученых, мы поддерживаем мнение о статичности фрейма. Фрейм, на наш взгляд, в качестве категории концепта содержит типизированное – устоявшееся, универсализованное – знание о ситуации. В результате мы имеем возможность понять смысл языковой единицы или текста с опорой на общепринятое в социуме знание, составляющего его (социума) пресуппозиционную базу. Что касается динамической природы когнитивной структуры, на наш взгляд, она очевидным образом присуща «сценарию».

Гештальт является одной из широко признанных схем организации разнообразного опыта человека, который включает мысли, чувства, моторную и речевую деятельность. В переводе с немецкого гештальт – это форма, образ или общий вид. Данный термин заимствован лингвистикой в ходе междисциплинарного взаимодействия с психологией, где он трактуется как «паттерн, конфигурация, определенная форма организации индивидуальных частей, которая создает целостность. <...> Основная идея гештальта состоит в том, что это <...> полное, покоящееся в себе целое»² [Перлс, 1996, с. 16].

Однако в (психо)лингвистических исследованиях термин «гештальт» еще не приобрел четкого определения. Имеется ряд подходов к его осмыслению.

В когнитивной лингвистике проблемой гештальт-структур занимался Дж. Лакофф. Ученый понимает гештальт как «способ оязыковления смысла, спонтанно для говорящего, и способ осмысления языковой формы, интуитивно-рационально – для слушающего» [Lakoff, 1996, p. 352].

По мнению Дж. Лакоффа, лингвистические гештальты

- 1) включают в себя несколько типов свойств – грамматические, семантические, фонологические, функциональные;
- 2) представляют собой способ соотнесения глубинных значений с поверхностными формами их вербальной передачи.

В российском языкознании циркулируют разные определения гештальта. Так, И. А. Стернин указывает, что гештальт представляет собой «закрепленный словом целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления» [1998, с. 59]. По его мнению, фрейм, сценарии и тому подобные структуры представляют собой разновидности гештальта.

¹ В русском биржевом жаргоне они именуется относительно нейтральным термином «(финансовые) спекулянты».

² Основная предпосылка гештальт-психологии в отличие от других теорий состоит именно в том, что человеческая природа организована в виде целостных паттернов, и не может быть воспринята и понята по частям.

У Н. Н. Болдырева наблюдается близкое к этому понимание, когда он относит гештальт к наивысшей ступени познания, предполагающей владение разными категориями концептов, которые в процессе познания актуализируют свой понятийный, образный, фреймовый, схематический и другие уровни [2001, с. 36–38].

Л. О. Чернейко не придерживается психолингвистической трактовки термина. По ее мнению, дефиниция гештальта через понятия «образ», «фрейм» и др. некорректна. Гештальт в ее трактовке основан на импликации; это «импликатура глагольной (или именной) сочетаемости имени», чем он и отличается от образа, который эксплицирован [1997, с. 249]. Она относит гештальт к структурной метафоре.

Мы разделяем точку зрения И. А. Стернина и Н. Н. Болдырева. На наш взгляд, гештальт является ментальным продуктом, отражающим принцип целостности человеческого восприятия: он не может сводиться к частным категориям и свойствам суммы элементов, из которых он состоит. Гештальт как способ хранения знаний и концептуализации мира соединяет в себе чувственное и рациональное в их единстве и целостности.

Возьмем несколько примеров функционирования гештальта в сфере профессиональной деятельности. Специалистами по верстке в их профессиональной речи часто используется словосочетание «тяжелый файл». Это файл значительного объема со сложными схемами, который сложно копировать и пересылать через Интернет. В данном употреблении кроме понятийных элементов («файл», «схемы», «копировать») вербализуются также и эмоциональные («тяжелый», «большой»). В процессе общения говорящий описывает файл как что-то целое – без детализации частностей [Голованова, 2014, с. 124]. В речи академического сообщества – как у преподавателей, так и у студентов – активируются свои гештальты, например, *защита магистерской диссертации*. Это понятная всему академическому сообществу деятельность, которой можно дать рациональное определение. Но при этом преподаватели и студенты по-разному относятся к этой процедуре аттестации, особенно студенты, поскольку для них это рубежное испытание, отмеченное глубокими эмоциональными коннотациями [Там же].

Итак, гештальт отличается от фрейма следующими характеристиками:

- 1) гештальт – это целое, состоящее из ряда компонентов, но при этом представляющее собой нечто большее, чем простая сумма частей; рациональные компоненты в нем как бы склеиваются между собой чувственно-модальными составляющими;
- 2) гештальт – это более глубинная категория, которая включает в свой состав не только признак целостности, но и оценочность, ее признаки;
- 3) гештальт объединяет статические и динамические аспекты отображаемого явления или объекта воедино.

Образ. Во многих научных дисциплинах понятие «образ» является одним из ключевых. В рамках российской психологии образ получил достаточно широкое теоретическое осмысление. Под образом, по мнению многих психологов, понимается единица сознания, отражающая свойства организации всего сознания в целом (см. работы Shepard, Horowitz, А. А. Гостева, С. Д. Смирнова, П. И. Зинченко и др.).

В «Глоссарии психологических терминов» термин «образ» определяется как «субъективная представленность предметов окружающего мира, обусловленная как чувственно воспринимаемыми признаками, так и гипотетическими конструктами. <...> Образ также определяется характером практических действий, в процессе которых исходный образ видоизменяется, все более удовлетворяя практическим нуждам» [Губин, 1999, с. 97]. В таком толковании автор обращает свое внимание на *субъективность* и *динамичность* образа.

Термин «образ» в толковании «Большого психологического словаря» обладает безграничностью (от образа микрочастицы до образа вселенной), причем все содержание дается в нем *одновременно* [Мещеряков, Зинченко, 2009, с. 342].

А. Н. Леонтьев определяет образ как многоуровневое целостное образование, обладающее системой значений и полем смысла [1983, с. 253]. По его мнению, чувственная ткань –

это «материя образа», без которой образ не мог бы существовать. Схожее мнение высказывает и В. В. Петухов: «Образ – это многоуровневая целостная система представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности» [1984, с. 17].

Таким образом, в российской психолингвистике под образом понимается результат перцептивного процесса в познавательной деятельности человека, который эксплицитно отражает абстрактное знание схем действий и манипуляций с объектом изучаемой действительности [Величковский, 2006, с. 55].

Китайские русисты также обращают внимание на понятие «образ». Они рассматривают образ как отражение окружающего мира в мозге человека [Чжан Синьвэй, 2012; Сюй Гаоюй, 2008], проявляющееся в следующих характеристиках [Сюй Гаоюй, 2008]:

- 1) образ не совсем идентичен объекту, который отражает;
- 2) образ формируется самопроизвольно и стихийно, он не контролируется волей человека;
- 3) образ характеризуется субъективностью;
- 4) образ способен содержательно углубляться и расширяться в сознании человека в процессе накопления опыта и знаний.

Основываясь на достижениях психологов, И. А. Стернин и М. Я. Розенфельд выделяют разные типы образов: образ-факт, образ-эпизод и образ-прототип [2008, с. 186].

На наш взгляд, тип «образ-прототип» свидетельствует о *стандартности* образа (стандартные реакции на определенные стимулы). Например, в ассоциативном эксперименте, проведенном среди китайцев, большинство испытуемых ассоциирует слово-стимул 秋 (осень) с *листвой, урожаем хлебных злаков и фразеологическими оборотами* [Янь Кай, Чжу Хуадунь, 2021, с. 93]. Данные реакции можно, действительно, назвать стандартными для носителей китайской культуры, равно как в сознании носителя русского языка великий русский поэт – *Пушкин*, великая русская река – *Волга* и т. д.

Из сказанного очевидно, что образ характеризуется национально-культурной специфичностью. Например, все слова, обозначающие *элементы природы (вода, гора, солнце, луна, огонь* и др.), будучи результатами их активации в сознании, могут описываться как образы: кроме астрономических интерпретаций в сознании носителей языка эти образы также отражают перцептивное отношение индивида к объектам восприятия, способ мышления носителей той или иной культуры и их мировоззрение.

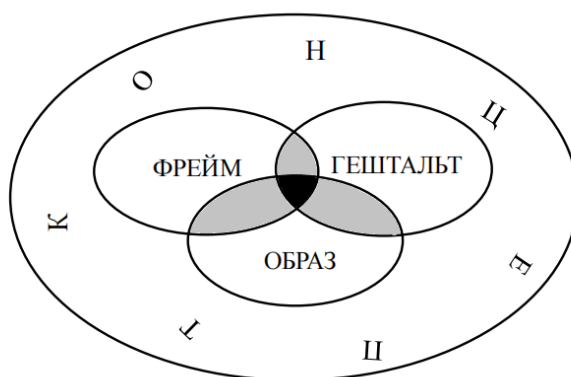
Подобное толкование образа отличается от образов в художественных произведениях. В литературоведении образ определяется как воссоздание, изображение любых предметов, объектов – людей, других живых существ, явлений предметного мира (образы природы, образы городов, образы вещей и т. д.) [Николаев, 2006]. В этом случае образы не только отражают реальность, но и создают вымышленный мир, который читатели иногда воспринимают как настоящий.

Что касается отличия образа от гештальта и фрейма, то оно обусловлено тем, что образ представляет собой более сложную категорию, соединяющую динамичность и статичность, целостность и иерархичность в совокупности. Образ предстает как субъективная интерпретация человеком реальности, которая формируется в процессе одновременного или параллельного видения *двух явлений и предметов*, при этом данное видение материализуется скреплением имен в единую номинацию. Образ приближается к *символическим репрезентациям* сознания.

Обсуждение

Рассмотренные нами термины «фрейм», «гештальт» и «образ» являются способами концептуализации окружающего мира, имеющими значительные расхождения по категоризации физических характеристик явлений, объектов и предметов, способами их репрезентаций

в виде ментальных соответствий, а также способами их представления в языке. Между собой они соотносятся как *смежные* категории концептов (см. рисунок).

Категоризация мира в концептуальных категориях
Categorization of the world through conceptual categories

Как известно, в математике смежность определяется принадлежностью вершин многоугольника или многогранника к одному ребру. Иными словами, смежность – это примыкание разных предметов к общему ребру. Так, мы «заимствуем» категорию «смежность» из математики и используем ее метафорически в психолингвистическом исследовании для описания функционально близких когнитивных структур, которым присущи и общность, и дифференциальность. Очевидно, что рассматриваемые нами категории – это гипонимы относительно гиперонима «концепт», которые активируются в сознании человека как функционально близкие ментальные механизмы, но обладают различной структурой и содержанием в зависимости от того, какие элементы внешнего мира в них отражаются (см. таблицу).

Критерии разграничения *фрейма*, *гештальта* и *образа*
Distinction criteria between *frame*, *gestalt* and *image*

Критерии		Фрейм	Гештальт	Образ
Структурируемость	целостность	–	+	+
	иерархичность	+	–	+
Степень изменчивости	статичность	+	±	–
	динамичность	–	±	+
Типизация знания		+	±	±
Культурная релятивность		±	±	+
Категоризация внешнего мира	реальный	+	+	+
	вымышленный	–	–	+
Символизм репрезентации в сознании		–	–	+

Из таблицы видно, что, хотя фрейм, гештальт и образ имеют ряд общих характеристик, они *не равнозначны*, а имеют статус *смежности* относительно друг друга. Так, смежные термины «фрейм», «гештальт» и «образ» характеризуются следующим образом.

(1) По критерию *структурируемости* фрейм, опираясь на совокупность существующих моделей структур знания, представляет собой *многокомпонентный* концепт; гештальт и об-

раз представляют объекты восприятия как *единое целое*, при этом фрейм и образ могут быть смежными по линии «иерархичность».

(2) По степени изменчивости фрейм является концептуальной единицей *статического типа*, гештальт сочетает *статiku и динамiku*, тогда как образу присуща динамичность.

(3) По критерию «*типизация знания*» фрейм представляет *типизированное* знание о предмете или явлении; гештальт соединяет в себе *чувственное и рациональное* знание; образ, как и гештальт, формируется *субъективно*, отражая отношение индивида к заданному объекту, при этом может указывать на *стереотипность* знания для определенной социальной группы.

(4) Образ обладает несомненной *культурной релятивностью* представления картины мира, тогда как фрейм и гештальт *не всегда* культурно насыщены.

(5) Все три понятия категоризируют *реальный* мир во внутренней картине мира индивида, однако образ нередко категоризирует также и *вымышленный*.

(6) Образ приближается к *символическим репрезентациям сознания*.

Заключение

В данной статье нами проанализированы основные категории концепта – фрейм, гештальт и образ. Учитывая большой разброс мнений относительно содержания данных когнитивных структур, мы ставили в качестве основной задачи следующий вопрос: *как, по каким параметрам их можно разграничить, выявляя степень равнозначности, близости и смежности ряда их характеристик?* Данная задача видится нам как методологически важный вопрос, поскольку ее решение способствует их более эффективной операционализации – установлению связей между концептуальными единицами и последующего измерения показателей описываемых явлений с их помощью. Безусловно отрицая равнозначность концептуальных категорий «фрейм», «гештальт», «образ», мы отмечаем их функциональную и структурную смежность на ряде общих и отличительных свойств. В частности, *категоризация реального мира* является общим признаком для всех категорий; *статичность, целостность, иерархичность, динамичность, типизация знания и культурная релятивность* – смежными для двух единиц из трех; а признаками *категоризация вымышленного мира и символизм репрезентации в сознании* обладает только категория «образ».

Список литературы

- Акимцева Ю. В. Характерные черты отечественного и зарубежного подходов в изучении концептуальной метафоры // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 193–195.
- Аскольдов С. А. Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология / Ин-т народов России и др.; под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. 317 с.
- Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 103 с.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по англ. филологии. Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. «Зарубеж. филология». Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. 122 с.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 776 с.
- Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
- Величковский Б. М. Когнитивная наука: основы психологии познания: В 2 т. М.: Смысл, Академия, 2006. Т. 2. 430 с.

- Голованова Е. И. Образ, понятие, гештальт как форматы профессионального знания // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2014. № 6 (335). С. 122–125.
- Губин Н. Глоссарий психологических терминов. М.: Наука, 1999. 302 с.
- Леонтьев А. Н. Образ мира // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. / Под ред. В. В. Давыдова и др. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 251–261.
- Лыткина О. И. Проблемы изучения концепта в современной лингвистике // Rhema. Рема. 2009. № 4. С. 67–80.
- Лыткина О. И. К вопросу о типологии концептов в современной лингвистике // Rhema. Рема. 2010. № 2. С. 68–75.
- Мешеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. 4-е изд. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. 811 с.
- Николаев П. А. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн-Пресс, 2006. 584 с.
- Перлс Ф. С. Гештальт-подход и Свидетель терапии: [Пер. с англ.]. М.: Либрис, 1996. 240 с.
- Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1984. № 4. С. 13–20.
- Пименова Е. Е. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.
- Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4. С. 126–132.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 189 с.
- Серебренникова Е. Ф. Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации: Монография / Под общ. ред. Е. Ф. Серебренниковой. Иркутск: Изд-о ИГУ, 2021. 285 с.
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 339 с.
- Степанов Ю. С. Словарь русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 1997. 824 с.
- Стернин И. А. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. Мю, 1998. С. 55–67.
- Стернин И. А., Розенфельд М. Я. Слово и образ. Монография. Воронеж: Истоки, 2008. 243 с.
- Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997. 319 с.
- Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005. 639 с.
- Янь Кай, Чжу Хуадунь. Сопоставительный анализ категоризации концепта *ОСЕНЬ* в русском и китайском языковом сознании // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 87–103. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-87-103
- Fillmore, Ch. J., Atkins, B. T. S. Towards a Frame-based Lexicon: The Semantics of RISK and its Neighbors. In: Lehrer A., Kittay E. F. (eds.). Frames, Fields and Contrasts. New Essays in Semantic and Lexical Organization. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 1992, pp. 75–102.
- Lakoff, G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. Chicago, University of Chicago Press, 1996, 421 p.
- Minsky, M. A framework for representing knowledge. Cambridge, 1974, 81 p.
- Ziem, A. Frames und sprachliches Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz. Hrsg. von Ekkehard Felder. Wissenschaftlicher Beirat: M. Hundt, W. A. Liebert, Th. Spranz-Fogasy, B. Wanning, I. H. Warnke, M. Wengeler. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2008, 485 S.
- Сюй Гаоюй (许高渝). 俄罗斯心理语言学和外语教学. 北京: 北京大学出版社, 2008. 360页.
- Сяо Кайжун (肖开容). 翻译中的框架操作. 西南大学, 2012.
- Чжан Синьвэй (张新卫). 俄语语言世界图景多维研究. 南京师范大学, 2012.
- Юй Цзинхэ (俞晶荷). 框架语义研究与翻译. 上海外国语大学, 2005.

References

- Akimtseva, Yu. V.** Characteristic features of domestic and foreign approaches to the study of conceptual metaphor. *Bulletin of VSU. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2017, no. 4, pp. 193–195. (in Russ.)
- Askoldov, S. A.** Russian literature: from the theory of literature to the structure of the text: Anthology. Institute of Peoples of Russia and others; ed. by V. P. Neroznak. Moscow, Academia, 1997, 317 p. (in Russ.)
- Babushkin, A. P.** Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of language. Voronezh, Voronezh State Uni. Press, 1996, 103 p. (in Russ.)
- Boldyrev, N. N.** Cognitive semantics: (A course of lectures in English philology): Proc. manual for university students studying in the specialty “Foreign Philology”. Tambov, Tambov State Uni. Press, 2002, 122 p. (in Russ.)
- Cherneiko, L. O.** Linguistic and philosophical analysis of an abstract name. Moscow, 1997. 319 p. (in Russ.)
- Dijk, T. A. van.** Language. Cognition. Communication. Trans. from English. Comp. by V. V. Petrova; ed. by V. I. Gerasimov. Moscow, Progress, 1989, 312 p. (in Russ.)
- Fillmore, Ch. J., Atkins, B. T. S.** Towards a Frame-based Lexicon: The Semantics of RISK and its Neighbors. In: Lehrer A., Kittay E. F. (eds.). *Frames, Fields and Contrasts. New Essays in Semantic and Lexical Organization*. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 1992, pp. 75–102.
- Golovanova, E. I.** Image, concept, gestalt as formats of professional knowledge. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2014, no. 6 (335), pp. 122–125. (in Russ.)
- Gubin, N.** Glossary of psychological terms. Moscow, Nauka, 1999, 302 p. (in Russ.)
- Lakoff, G.** Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. Chicago, University of Chicago Press, 1996, 421 p.
- Leontiev, A. N.** Image of the world. Leontiev, A. N. Selected psychological works: In 2 vols. Ed. by V. V. Davydova et al. Moscow, Pedagogy, 1983, vol. 2, pp. 251–261. (in Russ.)
- Lytkina, O. I.** Problems of studying the concept in modern linguistics. *Rhema*, 2009, no. 4, pp. 67–80. (in Russ.)
- Lytkina, O. I.** To the question of the typology of concepts in modern linguistics. *Rhema*, 2010, no. 2, pp. 68–75. (in Russ.)
- Meshcheryakov, B. G., Zinchenko, V. P.** Big psychological dictionary. 4th ed. Moscow, AST; St. Petersburg, Prime-Eurosign, 2009, 811 p. (in Russ.)
- Minsky, M.** A framework for representing knowledge. Cambridge, 1974, 81 p.
- Nikolaev, P. A.** Literature and language. Modern illustrated encyclopedia. Moscow, Rosmen-Press, 2006, 584 p. (in Russ.)
- Perls, F. S.** Gestalt approach and Witness therapy: [Trans. from English]. Moscow, Libris, 1996, 240 p. (in Russ.)
- Petukhov, V. V.** The image of the world and the psychological study of thinking. *Vestnik Moscow University. Series 14, Psychology*, 1984, no. 4, pp. 13–20. (in Russ.)
- Pimenova, E. E.** Soul and spirit: features of conceptualization. Kemerovo, Graphics, 2004, 386 p. (in Russ.)
- Pimenova, M. V.** Conceptual research and national mentality. *Humanitarian vector. Series: Pedagogy, psychology*, 2011, no. 4, pp. 126–132. (in Russ.)
- Popova, Z. D., Sternin, I. A.** Essays on cognitive linguistics. Voronezh, Voronezh State Uni. Press, 2001, 189 p. (in Russ.)
- Serebrennikova, E. F.** Dynamics and statics in the knowledge of the reality of language: approaches, phenomena, methods of representation. Monograph. Ed. by E. F. Serebrennikova. Irkutsk, ISU, 2021, 285 p. (in Russ.)

- Shvedova, N. Yu.** Russian language: Selected works. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2005, 639 p. (in Russ.)
- Slyshkin, G. G.** Linguistic and cultural concepts and metaconcepts. Monograph. Volgograd, Peremena Publ., 2004, 339 p. (in Russ.)
- Stepanov, Yu. S.** Dictionary of Russian culture. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 1997, 824 p. (in Russ.)
- Sternin, I. A.** Concepts and gaps. In: Linguistic consciousness: formation and functioning. Moscow, 1998, pp. 55–67. (in Russ.)
- Sternin, I. A., Rosenfeld, M. Ya.** Word and image. Monograph. Voronezh, Istoki Publ., 2008, 243 p. (in Russ.)
- Velichkovsky, B. M.** Cognitive science: the foundations of the psychology of knowledge. In 2 vols. Moscow, Smysl, Academia, 2006, vol. 2, 430 p. (in Russ.)
- Vezhbitskaya, A.** Semantic universals and description of languages. Moscow, Yazyki Russkoy kultury, 1999, 776 p. (in Russ.)
- Xiao Kairong.** Frame manipulation in translation. Southwest University, 2012. (in Chin.)
- Xu Gaoyu I.** Russian Psycholinguistics and Foreign Language Teaching. Beijing, Beijing Uni. Press, 2008, 360 p. (in Chinese)
- Yan Kai, Zhu Huadun.** Comparative Analysis of the Categorization of the Concept *OCEHB* (Autumn / Fall) in Russian and Chinese Language Consciousness. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 87–103. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-87-103
- Yu Jinghe.** Framework Semantics Research and Translation. Shanghai International Studies University, 2005. (in Chin.)
- Zhang Xinwei.** A Multidimensional Study of the Russian Language World Landscape. Nanjing Normal University, 2012. (in Chin.)
- Ziem, A.** Frames und sprachliches Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz. Hrsg. von Ekkehard Felder. Wissenschaftlicher Beirat: M. Hundt, W. A. Liebert, Th. Spranz-Fogasy, B. Wanning, I. H. Warnke, M. Wengeler. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2008, 485 S.

Информация об авторах

Ван Чжицян, аспирант

Полина Пурбуевна Дашинимаева, доктор филологических наук, профессор

Information about the Authors

Wang Zhiqiang, PhD Student

Polina P. Dashinimaeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 28.01.2022;
одобрена после рецензирования 31.03.2022; принята к публикации 10.04.2022
The article was submitted 28.01.2022;
approved after reviewing 31.03.2022; accepted for publication 10.04.2022*